

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

MONGOLICA

Санкт-Петербургский журнал монголоведных исследований

Том XXIV • 2021 • № 3

Выходит 4 раза в год

Издается с 1986 г.

Учредитель: ФГБУН

Институт восточных рукописей РАН

Посвящается 220-летию со дня рождения
Осипа Михайловича Ковалевского (1801–1878)

191186. Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 18
Тел.: +7 (812) 315-87-28
<http://orientalstudies.ru>
mongolica@orientalstudies.ru
kulgan@inbox.ru
dnosov@mail.ru

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-79202
от 22 сентября 2020 г.

Редакционная коллегия:

- И. В. Кульганек, *главный редактор, доктор филологических наук (Россия)*
Д. А. Носов, *секретарь, кандидат филологических наук (Россия)*
М. А. Козинцев, *помощник секретаря (Россия)*
Г. Билгуудэй, *доктор филологических наук (Монголия)*
А. Бирталан, *доктор наук (Венгрия)*
Р. М. Валеев, *доктор исторических наук (Россия)*
Л. С. Дампилова, *доктор филологических наук (Россия)*
И. В. Зайцев, *доктор исторических наук, профессор РАН (Россия)*
Ж. Легран, *доктор наук, профессор (Франция)*
В. Капишовска, *доктор наук (Чехия)*
С. Л. Невелева, *доктор филологических наук (Россия)*
К. В. Орлова, *доктор исторических наук (Россия)*
М. П. Петрова, *кандидат филологических наук (Россия)*
Р. Поц, *доктор наук (Румыния)*
Т. Д. Скрынникова, *доктор исторических наук, профессор (Россия)*
С. Чулуун, *академик МАН (Монголия)*
Е. Э. Хабунова, *доктор филологических наук (Россия)*
Н. Хишигт, *кандидат исторических наук (Монголия)*
Н. С. Яхонтова, *кандидат филологических наук (Россия)*

Выпускающий редактор номера — кандидат исторических наук О. Н. Полянская (Улан-Удэ)

Оригинал-макет изготовлен издательством «Петербургское Востоковедение»
Литературный редактор и корректор — Т. Г. Бугакова
Технический редактор — Г. В. Тихомирова
✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я № 2
e-mail: pvcentre@mail.ru; *web-site*: <http://www.pvost.org>
Подписано в печать 26.08.2021
Формат 60×90 1/8. Объем 13,75 печ. л. Заказ №
Отпечатано в типографии ООО «Свое издательство»,
Санкт-Петербург. 4-я линия В. О., д. 5. *e-mail*: editor@isvov.ru

ISSN 2311-5939
DOI 10.25882/3gqf-3v17

© Институт восточных рукописей РАН
(Азиатский Музей), 2021
© Коллектив авторов, 2021

В НОМЕРЕ:

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ О. М. КОВАЛЕВСКОГО

- Ю. В. Кузьмин.** Иркутский монголист и переводчик А. В. Игумнов и О. М. Ковалевский: характер научных взаимоотношений 5
С. С. Сабрукова. Материалы о деятельности О. М. Ковалевского в архиве Н. П. Шастиной 11

МОНГОЛЬСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

- Т. Г. Басангова (Борджанова).** Культ Будды Майтреи у калмыков (по материалам фольклорных источников) 17
Б. А. Бичеев. Ойратские тексты *сангов* Белого старца 22
Энхзаяя Вандан. Семантика и семантизация *вечности* в романе «Преступление и наказание» и в его монгольском переводе. 33
М. П. Петрова. Отражение истории Монголии начала XX века в романе Г. Аюурзаны «Тайны священного Хангая» 41

ИСТОРИЯ, ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

- П. И. Буцык.** Поиски Далай-ламы VIII Джампел Гьяцо (на материалах тибетских, маньчжурских и китайских источников) 46
Ю. И. Елихина. Буддийские предметы из коллекции В. А. Казакевича, хранящиеся в Эрмитаже. 58
И. М. Захарова. Капитан Генерального штаба Ю. А. Сосновский — руководитель «учено-торговой» экспедиции в Китай в 1874–1875 гг. 63
И. А. Суздальцев. Страны Центральной Азии в политике Коминтерна и журнале «Коммунистический Интернационал» в 1920 г. 72
Т. Ю. Феклова. «Наблюдения этой станции могут быть полезны для науки»: Магнитно-метеорологическая станция в Урге во второй половине XIX в. 79
Ш. Ц. Цыдэнэ. Административная и хозяйственная деятельность органов местного самоуправления бурят в советской историографии (1920–1930-е гг.) 84

СМЕЖНЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ

- И. А. Алимов.** Бюрократия в движении: китайские путевые дневники X–XIII вв. (I) 93
С. Л. Бурмистров. Буддийские идеи в философии Гаудапады 102

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Б. Дайриймаа.** Монгол улсын ШУА-ийн Хэл зохиолын хүрээлэнгийн аман зохиол судлалын салбарын ээлжит семинар 107
И. В. Кульганек. Пятая Международная конференция «Культурное наследие монгольских народов: рукописные и архивные источники» 108

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Oriental Manuscripts
(Asiatic Museum)

191186, Russian Federation
Saint Petersburg,
Dvortsovaya Emb., 18
Phone: +7 (812) 315-87-28
<http://orientalstudies.ru>
mongolica@orientalstudies.ru
kulgan@inbox.ru
dnosov@mail.ru

MONGOLICA

Saint Petersburg journal for Mongolian studies

Vol. XXIV • 2021 • No. 3

The journal is published four times a year.

Published since 1986

Founder: Federal State Institution of Science
Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy
of Sciences

**Dedicated to the 220th birthday anniversary
of Osip Mikhailovich Kovalevsky (1801–1878)**

Editorial board:

I. V. Kulganek — *editor-in-chief, D. Sc. (Philology),
Russian Federation*

D. A. Nosov — *secretary, Cand. Sc. (Philology),
Russian Federation*

M. A. Kozintcev — *assistant secretary, Russian Federation*

G. Bilguudei. *D. Sc. (Philology), Mongolia*

A. Birtalan. *Ph. D., Hungary*

S. Chuluun. *Academician of the Mongolian Academy
of Sciences, Mongolia*

L. S. Dampilova. *D. Sc. (Philology), Russian Federation*

J. Legrand. *D. Sc., Professor, France*

V. Kapishovska. *Ph. D., Czech Republic*

E. E. Khabunova. *D. Sc. (Philology), Russian Federation*

N. Khishigt. *Ph. D. (History), Mongolia*

S. L. Neveleva. *D. Sc. (Philology), Russian Federation*

K. V. Orlova. *D. Sc. (History), Russian Federation*

M. P. Petrova. *Ph. D. (Philology), Russian Federation*

R. Pop. *Ph. D., Romania*

T. D. Skrynnikova. *D. Sc. (History), Russian Federation*

R. M. Valeev. *D. Sc. (History), Russian Federation*

N. S. Yakhontova. *Cand. Sc. (Philology), Russian Federation*

I. V. Zaytsev. *D. Sc. (History), professor of the Russian
Academy of Sciences, Russian Federation*

Issue Compiler — Cand. Sc. (History) O. N. Polyanskaya

ISSN 2311-5939
DOI 10.25882/3gqf-3v17

© Institute of Oriental Manuscripts RAS
(Asiatic Museum), 2021
© Group of authors, 2021

IN THIS ISSUE:

RESEARCH ACTIVITIES OF OSIP M. KOVALEVSKY

- Yu. V. Kuzmin.** Irkutsk mongolist and translator A. V. Igumnov and O. M. Kovalevsky: the origin of researchers' relationships 5
- S. S. Sabrukova.** O. M. Kovalevsky's letters in the N. P. Shastina' archive collection 11

STUDIES IN MONGOLIAN PHILOLOGY

- T. G. Basangova (Bordzhanova).** Cult of Buddha Maitreya among the kalmyks (based on materials from folklore sources) 17
- B. A. Bicheev.** Oirat texts of the *sangs* of the White Old Man 22
- E. Vandan.** The semantics of eternity in the novel "Crime and Punishment" and in its Mongolian translation 33
- M. P. Petrova.** Reflection of Mongolian History in the early 20th century in the Novel by G. Ayurzana "Sacred Hangay's Secrets" 41

STUDIES IN HISTORY OF CENTRAL ASIA

- P. I. Butsyk.** A study of the search for Dalai Lama VIII Jampel Gyatso (based on Tibetan, Manchu and Chinese written sources) 46
- Yu. I. Elikhina.** Buddhist objects from the collection of V.A. Kazakevich, stored at The Hermitage Museum 58
- I. M. Zakharova.** Captain of the General Staff Yu. A. Sosnovsky — the head of the "Scientific and trade" expedition to China in 1874–1875. 63
- I. A. Suzdaltsev.** The countries of Central Asia in the politics of the Comintern and the magazine "Communist International" in 1920 72
- T. Yu. Feklova.** "Observations of this station will be useful for science": Magneto-meteorological station in Urga in the second half of the XIX century 79
- Sh. Ts. Tsydene.** Administrative and economic activities of local self-government bodies of the Buryats in Soviet historiography (1920s–1930s) 84

RELATED DISCIPLINES

- I. A. Alimov.** Bureaucracy in Motion: Chinese Travel Diaries of the X–XIII centuries. (I) 93
- S. L. Burmistrov.** Buddhist Ideas in Gauḍapāda's Philosophy 102

REVIEWS

- B. Dajrijmaa.** Regular seminar in the field of oral literature of the Institute of Linguistics of the Mongolian Academy of Sciences 107
- I. V. Kulganek.** The 5th International Conference "Cultural Heritage of the Mongols: Manuscript and Archival Collections" 108

Энхзая Вандан

Семантика и семантизация вечности в романе «Преступление и наказание» и его монгольском переводе

© Энхзая Вандан, 2021
DOI 10.25882/v7jk-xv13

В статье дается поэтический анализ мотива *вечность* в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и устанавливаются приемы воспроизведения его в монгольском переводе, представленном Ц. Гомбосурэном в 2003 г. Повышенное внимание уделяется раскрытию семантики и процесса семантизации *вечности* как в оригинале, так и в тексте перевода, имея в виду культурологические аспекты, что способствует выявлению особенностей идиостиля писателя и переводческих стратегий. Актуальность данной работы связана, с одной стороны, с возросшим интересом исследователей к проблеме межкультурной коммуникации и вопросам языкового и культурного взаимодействия при художественном переводе, а с другой — с тем, что в настоящее время изучение литературных взаимосвязей России и Монголии в целом и переводов русской классической прозы (в том числе текстов Достоевского) в частности не получает должного внимания в научных исследованиях.

Ключевые слова: поэтика Достоевского, «Преступление и наказание», семантика *вечности*, семантизация, художественный перевод, монгольский перевод, межкультурная коммуникация, Ц. Гомбосурэн.

Энхзая Вандан — Ph. D., старший преподаватель кафедры русского языка и литературы Института славянской и балтийской филологии университета им. Этвеша Лоранда (Венгрия, Будапешт, Múzeum krt. 4/D, ELTE, 1088)
vandan.enhzaya@btk.elte.hu

С проблемой времени для него была связана проблема вечности, вневременного. Эта проблема входила в самое существо его мировоззрения. Временное было для него формой осуществления вечного. Через время он догадывался о вечном, раскрывал это вечное и вневременное.

[Лихачев, 1981. С. 97].

Время и вечность являются уникальными категориями модели мира каждой культуры и принадлежат к числу ее самых фундаментальных и важнейших составляющих. Представления о *времени* и *вечности* складывались еще в доисторические времена, эти категории, всегда привлекавшие к себе внимание, стали предметом целенаправленного исследования. Как известно, в европейской культуре глубокое осмысление *времени* в отношении к категории *вечности* впервые дается в «Тимее» Платона [Платон, 1879. С. 402]. Начиная с тех давних пор, многие выдающиеся мыслители и философские школы предлагали этим категориям свое оригинальное толкование, не говоря уже о многочисленных религиозных экзегезах. В соответствии с многообразными, а иной раз и гетерогенными взглядами на мир эти понятия наполнялись различной семантикой, в результате сфор-

мировались разные модели интерпретации *времени/вечности*, что дает огромный материал ученым и исследователям, интересующимся данным вопросом, будь это природовед или филолог.

Проблематика, связанная со *временем* в художественном мире Достоевского, хорошо известна и всесторонне изучена в литературоведении¹, поэтому

¹ Эти исследования затрагивают очень многие аспекты проблемы времени в художественном мире Достоевского (например, время *эпическое* [Цейтлин, 1927. С. 12], *метафизическое* [Борисова, 1979. С. 38–49], *летописное* [Лихачев, 1981. С. 97–116], *статичное* [Галкин, 1996. С. 316–324], а также *стремительное/лихорадочное, напряженное* или *динамичное* [Катто, 1978/3. С. 41–54; Топоров, 1997. С. 590–660; Цивьян, 1997. С. 661–706; Подорога, 2006. С. 574–632]) и в значительной степени определяют направление дальнейших исследований. Но известно, что

в рамках данной работы мы будем рассматривать только мотив *вечности* в поэтике писателя, обращая особое внимание на ее культурологический аспект, так как основной целью исследования является сопоставительный анализ романа «Преступление и наказание» и его монгольского перевода исходя из семантики культурозначимой мифологемы ² *вечность*.

Категория *вечности*, как уже говорилось выше, является базовой в любой культуре. Но мировоззрение, образ жизни, традиции и обычаи народов обладают отличительными особенностями [Гумбольдт, 1985. С. 349], в результате чего возникают различия в содержательном аспекте таких устойчивых понятий, как *вечность*. Оттого особый интерес вызывает вопрос о том, какие семантические трансформации имеет *вечность* у Достоевского и получает ли ее аналогичную репрезентацию читатель монгольского перевода, чьи культура и религия далеко отстоят от картины мира русского читателя, выросшего в православной культуре, для которой данная категория составляет ядро образа мира.

Перед тем как перейти к сопоставлению текстов, отметим, что в данной работе мы не касаемся вопроса о качестве перевода. Процесс перевода художественного текста с одного языка на другой имеет неоднозначный характер, связанный с множеством входящих в него компонентов, поэтому критерии оценки качества перевода неиссякаемы, но рано или поздно они растворяются в тупике субъективности и пристрастности. Хотя в современном переводоведении существует целый ряд моделей перевода, что, с одной стороны, соответствует положению о том, что если языковая единица является текстом как структурированное целое, то ее безусловно можно перевести [Albert, 2014. С. 78], а с другой — предполагает возможность осуществлять процесс перевода разными способами. То есть с целью достижения эквивалентности и сохранения прагматического потенциала подлинника при переводе одного и того же текста переводчик может менять свой метод в каждом случае, когда наталкивается на рациональную границу перевода, и преодолевать эти препятствия по-разному в зависимости от языковой пары и от конкретной ситуации. В крайнем случае переводчику приходится создавать в языке перевода новые соответствия [Прунч, 2015. С. 146], от семантического уровня переходить к семиотическому [Albert, 2014. С. 88] или прибегать к таким спасательным средствам, как объяснения или комментарии [Тороп, 1995. С. 67–68]. При этом трудно, а иногда и вовсе невозможно определить, почему переводчик, отклоняясь от текста подлинника, обращается именно к тому или иному

центральной в понимании времени является всем известная концепция *хронотопа* у Достоевского, данная Бахтиным [Бахтин, 1972].

² Юнговский термин *мифологема* [Юнг, 1996. С. 13] употребляется нами по причине глобальности и универсальности понятия *вечность*, имеющего широкое распространение в самых разнообразных культурах народов мира.

переводческому методу (или творческому принципу), что опять-таки поднимает вопрос о страшающей науку субъективности ³. Помимо этого снова и снова поднимается вечный вопрос о *непереводимости* художественных произведений, наделенных специфическими национальными реалиями и индивидуальными авторскими интенциями ⁴. Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что любая модель перевода носит гипотетический характер, поскольку нет единственной и совершенной стратегии процесса перевода, не говоря уже о том, что необходимо учитывать и своеобразную роль переводчика как субъекта, являющегося одновременно и *реципиентом*, и *создателем* текста ⁵. Поэтому, сдерживаясь от оценочной деятельности, которая по своей природе не может быть объективной, мы ограничиваемся формулированием некоторых проблем, связанных с культурологическим и поэтическим аспектами монгольского перевода романа «Преступление и наказание» и тем пытаемся вывести вопрос квалифицирования на другой уровень.

³ В процессе перевода художественного произведения выделяются три фазы переводческого труда: постижение подлинника, интерпретация подлинника и перевыражение подлинника [Левый, 1974. С. 59]. Это говорит об огромном значении личностного фактора переводчика, позволяющего говорить о творческой индивидуальности, так как художественное произведение воздействует на переводчика, который, со своей стороны, проявляет к нему определенное рациональное и эмоциональное отношение, в результате взаимодействия объективных и субъективных обстоятельств в сознании переводчика оформляется то или иное восприятие данного произведения, в соответствии с которым и создается текст перевода.

⁴ Нелегка задача исследователя в условиях современного переводоведения, в котором одновременно (и правомерно!) существуют: 1) тезис о категорической *невозможности перевода* (об этом впервые писал Гумбольдт в письме к известному немецкому писателю и переводчику Августу Шлегелю: «Всякий перевод представляется мне безусловной попыткой разрешить невыполнимую задачу. Ибо каждый переводчик неизбежно должен разбиться об один из двух подводных камней, слишком точно придерживаясь либо своего подлинника за счет вкуса и языка собственного народа, либо своеобразия собственного народа за счет своего подлинника. Найти средний путь между тем и другим не только труднодостижимо, но и просто невозможно». Цит. по: [Салимова, Тимерханов, 2012. С. 84]; 2) тезис об *эквивалентности* и *адекватности* [Nida, 1964; Федоров, 1953; Рецкер, 1974], а также определение *идеального перевода* (ср.: «переводить — значит понять внутреннюю систему того или иного языка и структуру данного текста на этом языке и построить такую текстуральную систему, которая в известном смысле может оказать на читателя аналогичное воздействие — как в плане семантическом и синтаксическом, так и в плане стилистическом, метрическом, звуко-символическом, — равно как и то эмоциональное воздействие, к которому стремился текст-источник» [Эко, 2006. С. 16–17].

⁵ На это же обращает внимание М. Петер, когда, характеризуя двойную функцию переводчика, называет его одновременно ученым и художником [Péter, 1999. С. 10].

Изучая индивидуально-авторский стиль Достоевского, многие ученые обращали внимание на лексемы, отличающиеся не только частотностью, но и многозначностью и многоплановостью⁶. Так, изучая слово *вечность* в языке Достоевского, М. П. Галышева отмечает, что представления Достоевского о *вечности*, а также ее образ менялись от произведения к произведению [Галышева, 2008. С. 29]. По нашим наблюдениям, *вечность* как один из особых компонентов поэтического мира Достоевского не только проходит особый путь формирования от произведения к произведению, но наполняется новыми индивидуально-авторскими мотивами и смыслами даже в пределах одного текста.

В «Преступлении и наказании» слово *вечность* появляется 4 раза (производные и синонимичные ему лексемы пока остаются за границами нашего внимания). В толковых словарях *вечность* определяется как 'время, не имеющее ни начала, ни конца' [Ушаков, 1935. С. 266]; 'очень долгое время, бесконечность' [Ожегов, 1991. С. 82], то есть временная категория описывается в терминах пространства, что подчеркивает смысловое единство пространственно-временных отношений, названных Бахтиным *хронотопом*. В рассуждении Свидригайлова *вечность* также описывается с помощью пространственных метафор, но предстает не как непостижимая для человека трансцендентная сущность, у которой нет ни начала, ни конца, а, наоборот, как субстанция, имеющая границы: «Представьте себе, будет там одна комнатка, эдак вроде деревенской бани, закоптелая, а по всем углам пауки, и вот и вся *вечность*» (221)⁷. *Вечность*, то есть «другой мир», куда попадает человек после смерти, для Свидригайлова не является спасением и избавлением от земного мира, как это воспринимается в Православии, а, напротив, его гадким продолжением (ведь комнатка, в которой он жил и ловил мух перед тем, как выйти и нажать курок, во многом напоминает комнатку «другого мира», с пауками по углам):

Клегушка, до того маленькая, что даже почти не под рост Свидригайлову, в одно окно; постель очень грязная <...>. Стены имели вид как бы сколоченных из досок с обшарканными обоями, до того уже пыльными и изодранными, что цвет их (желтый) угадать еще можно было, но рисунка уже нельзя было распознать никакого (с. 388).

Таким образом, тупикам сего мира *вечность* не является выходом (важно, что сам Свидригайлов и не ищет в *вечности* ничего, как выражается Рас-

⁶ Например: *вдруг, странность, фантастический* [Топоров, 1997], *князь* [Ашимбаева, 2005. С. 25–36], *паломничество, странничество, бродяжничество, скитальчество* [Буданова, 2007] и т. д.

⁷ Цитаты из текста Достоевского даются по изданию 1976 г. [Достоевский, 1976], а ссылки на монгольский перевод романа — по изданию 2006 г. [Достоевский, 2006] с указанием в скобках страницы. Выделения в цитатах, если это не отмечено отдельно, — наши (Э. В.).

кольников, «утешительного и справедливого»). В монгольском переводе романа исследуемые слова Свидригайлова переведены довольно адекватно, соответствующими пространственными метафорами: «тосгоны халуун усны газарархуу тортогтсон ганц өрөө байна гээд боддоо, хэдэн булангаар нь бөөн аалз, нөгөө өнө мөнх гэдэг чинь ердөө л тэр байх нь» (с. 302); где *тосгоны халуун усны газарархуу* = 'вроде деревенской бани', *тортогтсон ганц өрөө* = 'закоптелая одна/единственная комната' (в монгольском языке не является распространенным употреблением в речи уменьшительно-ласкательных форм, суффиксы с семантикой уменьшительности, такие как *-хан* или *-хэн* — относятся к «мертвым»), *хэдэн булангаар нь бөөн аалз* = 'по углам множество пауков' (тут версия переводчика более экспрессивна, чем это было в оригинале), зато слово *вечность* переведено как *өнө мөнх*, на чем стоит немалое количество. Слово *өнө* имеет значения 'древний' и 'очень долгий' [Цэвэл, 1966. С. 440], а слово *мөнх* — 'состояние неизменности, устойчивости' [Цэвэл, 1966. С. 344]. Словосочетание *өнө мөнх* обычно не употребляется в качестве обозначения «другого мира», о котором говорит Свидригайлов, ср.: «когда умрет совсем человек, то прямо и перейдет в другой мир» (с. 221). Как в разговорной, так и в литературной речи оно чаще всего употребляется в контексте со словами *орон* ('родина'), *эх орон* ('мать родина') или *нутаг* ('земля'), в значении 'была, есть и будет', то есть акцентируется *постоянность*. Выбор переводчика, как нам кажется, объясняется верой монголов в буквальное воскрешение, в продолжение жизни на земле в том же образе человеческом [Сулейменов, 1991. С. 255], то есть жизнь и смерть не расчлениются на «этот мир» и «другой мир», а осмысляется как нечто *неизменное, постоянное*, несмотря на смену циклов жизни и смерти. Какие же выводы вытекают из этого? С одной стороны, представления монголов о жизни и смерти радикально отличаются от представлений как русских вообще, так и предлагаемых в романе, что, конечно, не означает, будто монгольскому читателю недоступна суть предмета. Но, с другой стороны, если обратиться к контексту и изложенному нами положению, согласно которому для Свидригайлова «другой мир», куда попадает человек после смерти, является всего лишь продолжением земного мира, а не спасением⁸ или хотя бы избавлением от жизненных тупиков, то употребление переводчиком слов *өнө мөнх* становится не только допустимым, но даже удачным, так как сохраняется по крайней мере заложенная в мотиве мысль *неизменности*, хотя и воспроизводится она на другом уровне.

При дальнейшем развитии *вечность* объединяется с мотивом *аршин пространства* и становится ме-

⁸ В православном понимании *вечность* предстает не как нечто отдельно сущее или отвлеченное, но как Сам Бог в Своем бытии [Постовалова, 2011. С. 94–109]. То есть библейское восприятие *вечности* носит иной, качественный характер.

тафорой *безвыходного положения, жизненного кризиса*, что получает подтверждение и в более широком контексте. То есть в употреблении Достоевского *вечность* переходит в другой семантический полюс. Уже с самого начала романа встречаемся с множеством пространственных мотивов, являющихся трансформациями *аршина пространства* (*каморка, шкаф, гроб, сундук, угол, узкие и темные лестницы, узкий коридор, узкие переулки* и т. д.)⁹. Все они, в процессе семантизации варьируясь и повторяясь, создают чувство притесненности и угнетенности, от которого буквально *некуда* бежать. Эта ассоциация многократно поддерживается в тексте наречием *некуда*, которое становится характерной деталью, ведущей к образу *вечности на аршине пространства*. Перед убийством Раскольников несет к процентщице отцовские часы, за которые та дает только полтора рубля. Рассердившись, он «хотел было уже уйти; но тотчас одумался, вспомнив, что *идти больше некуда*» (с. 9). После этого он встречается с Мармеладовым, вопрос которого (ср.: «Понимаете ли, понимаете ли вы, милостивый государь, что значит, когда уже *некуда* больше идти?» с. 16) позже снова и снова припоминается ему. В поисках выхода из несправедливого и безысходного положения, царящего вокруг («ибо надо, чтобы всякому человеку *хоть куда-нибудь* можно было пойти...» с. 14), и в результате нарастающего в нем вопроса («Тварь ли я дрожащая или право имею?» с. 322) он совершает двойное убийство. Очнувшись после беспамятства и бреда, находясь в духовном, моральном, физическом и наконец экзистенциальном кризисе, Раскольников оказывается на улице: «Он *не знал*, да и не думал о том, *куда идти*» (с. 120). Так, неизвестно зачем, он заходит в *узкий переулок* (трансформация *аршина пространства*) и почему-то вспоминает прочитанные им недавно мысли приговоренного к смерти, который, будучи в самом безвыходном положении (ведь всего лишь через час его казнят), рассуждает о жизни как о *вечности на аршине пространства*: «кругом будут пропасти, океан, вечный мрак, вечное уединение и вечная буря, — и оставаться так, стоя на *аршине пространства*, всю жизнь, тысячу лет, *вечность*» (с. 123).

Знаменателен семантический ряд слов, фиксирующих представление о *безвыходности*: *пропасть, океан, вечный мрак, вечное уединение* и *вечная буря*. Все эти слова закономерно сочетаются с мотивом *некуда*, а известное положение героя делает логически оправданным его многократное повторение. Характер элементов, составляющих семантический круг *вечности на аршине пространства*, соответствует отрицательному оттенку ассоциативного поля мотива.

Но помимо этого отрицательного заряда (ощущение *безвыходности*) в мотиве *вечности на аршине пространства* обнаруживается и положительное свой-

ство, заложенное в идее *веры в жизнь*, ведь приговоренный к смерти вопреки всему хочет *жить*, пусть даже стоя на *аршине пространства* тысячу лет, целую *вечность*. Об этом свидетельствует следующее появление интересующего нас мотива. Раскольников опять бродит без цели, в какой-то особенной тоске, и ему «предчувствовалась какая-то *вечность на „аршине пространства“*» (с. 327). Так как предчувствие *вечности на аршине пространства* приходит именно в тот момент, когда он выходит на улицу из дома Сонечки после того, как признался ей в убийстве, то кажется небезосновательным наше предположение о том, что в этом предчувствии речь идет об остроге, о показаниях его против себя, потому что другого выхода нет. Подтверждение этому дается в словах Порфирия, которому понятна натура Раскольникова: «Да пусть, пусть его погуляет пока, пусть; я ведь и без того знаю, что он моя жертвочка и *никуда* не убежит от меня! Да и куда ему убежать, хе-хе! За границу, что ли? ...не по этому одному он не убежит от меня, что *некуда* убежать: он у меня *психологически*¹⁰ не убежит, хе-хе!» (с. 262).

Если в случае приговора к смерти («...вошел к себе, как приговоренный к смерти») Раскольников не понимал, почему такова натура человека, что он выбирает *вечную жизнь на аршине пространства*, будь она самая безвыходная, то в этот миг он уже предчувствует — хотя еще очень туманно и неопределенно — то, что является сущностью Сони: вопреки унижениям и оскорблениям, вопреки роковым трагедиям безвыходной ее жизни она, подобно приговоренному, все же сохраняет в душе веру в жизнь. Эта вера в жизнь передается Раскольникову — незаметно для него самого, но ощутимо на мотивном уровне текста. При такой трактовке немаловажным становится постоянное присутствие мотива *солнца* (в обоих описанных выше сценах Раскольников выходит на улицу при заходящем *солнце*), являющегося для мифологического мышления символом *жизни*. Таким образом в мотиве *вечности на аршине пространства* тематизируются два полюса романного мира: с одной стороны она символизирует *вечность* бесперспективного физического и духовного тупика, в котором находятся герои, а с другой — беспредельную, *вечную* веру человека в жизнь, в которую трансформируется и воскресение главного героя. Последнее утверждается и на этимологическом уровне, так как слово *вечность/ вечный* происходит от слова *век*, родственного с лит. *viėkas* ‘сила, жизнь’¹¹.

¹⁰ Курсив автора.

¹¹ *Вечность*, как и *вечный* и *увечный*, происходит от слова *век*. Ср.: Родственно лит. *viėkas* ‘сила, жизнь’, *veikti* ‘действовать, делать’, *vėikus* ‘проворный, быстрый’, *veiklus* ‘деятельный, активный, деловой’, *vėkis* м. ‘жизнь, живость’, *vikrus* ‘бодрый’, латышск. *vėicu, vėikt* ‘добиваться, пересиливать, одолевать’, др.-исл. *veig* ж. ‘сила’, *víg* ср. р. ‘борьба’, готск. *weihan* ‘бороться’, др.-в.-нем. *wigan* ‘бороться’, ирл. *fichim* ‘борюсь’ (из *vikō*), лат. *vincere* ‘побеждать’, *pervicāx* ‘упорный, стойкий’ [Фасмер, 1986. С. 286].

⁹ В связи с этими мотивами особый интерес представляет связь *узость* — *ужас*, подробно рассмотренная Топоровым [Топоров, 1997. С. 641–642].

В переводе «Преступления и наказания» *аршин пространства* в одном случае передается как *алга дарам газар* ('место размером с ладонь' или 'место с ладонь', с. 167), а в другом — как *алга дарам орон зай* ('пространство с ладонь', с. 449), слово *вечность* же, бывшее постоянным компонентом одного образа, в первом случае переведено устойчивым выражением *үүрд мөнх* ('всегда, неизменно, вечно', с. 167), а во втором — просто как *үүрд* ('всегда', с. 449). Констатируя, что переводчик одно и то же выражение передал различными единицами речи, целесообразно будет прежде всего остановиться на переводе выражения *аршин пространства*.

Известно, что *аршин* — это вышедшая из употребления старая русская мера длины¹², то есть идиома, имеющая высокую культурную коннотацию и как таковая не имеющая эквивалента в монгольском языке. Поэтому переводчик, чтобы выразить дух, содержание и выразительность подлинника, создает эквивалентность не на словарном, а на образном уровне. Соответствующее *аршину* монгольское выражение *алга дарам* в дословном переводе означает 'с ладонь', то есть как единица измерения во много раз меньше, чем данная в оригинале мера. Тем не менее сохранилась образность (ср.: ограниченность пространства) и экспрессивность (ср.: очень маленькое место), хотя в монгольском языке существует выражение *тохойн чинээ* ('с локоть'), более близкое (величиной) оригиналу. Считая выбор переводчика адекватным, тем более что намеченное выражение способствует большей естественности звучания на монгольском языке, перейдем к следующей проблеме. Изложенный выше анализ показал кульминационную роль мотива *вечности на аршине пространства*, но в переводе он теряет свою значимость, «благодаря» тому, что переводчик не сохранил интенции подлинника и перифразировал устойчивый мотив, имеющий богатую семантику. Может быть, повторы показались ему избыточными в смысловом отношении (хотя семантизация мотива происходит именно через повтор), но вследствие игнорирования поэтического языка оригинала происходит редуцирование его смысла. Сеть связей, которую мы рассмотрели выше, деформируется на нескольких уровнях. Во-первых, слово *вечность* во всех случаях переведено по-разному, тогда как для автора это слово принципиально и символично. Во-вторых, очевидная связь мотивов *идти некуда* и *вечность на аршине пространства* ослабляется, и опять-таки по изложенной выше причине. Коннотативную силу мотива *идти некуда*, приобретенную посредством повторов (*некуда* — *куда-нибудь*) в переводе нужно было бы воспроизвести одними и теми же средствами, что переводчику не всегда удалось сделать. Выражение *некуда идти* переведено то как *очих газаргүй* (с. 10, 20), то как *огт очих газаргүй* (с. 51) или же как *явах газаргүй* (с. 17), а *хоть куда-нибудь идти* как *хаашаа*

ч хамаагүй явах (с. 17). Тут и без дословного перевода ясно, что вместо повторов, придающих особую значимость мотиву безысходности, используются синонимы, из-за чего исчезает концептуальная нагрузка и образность подлинника, не говоря уже о семантических связях. В-третьих, помимо стилистической трансформации в переводе обнаруживаются и смысловые искажения текста. Например, контекст перевода связывает мотив *вечности на аршине пространства с судьбой*, чего нет в оригинале:

В оригинале: «если бы пришлось ему жить где-нибудь на высоте, на скале, и на такой узенькой площадке, чтобы только две ноги можно было поставить... <...> и оставаться так, стоя на аршине пространства... <...> *вечность*».

В переводе: «хэрэв заяа хоёр хөлөөрөө гишгэх төдий шовх өндөр цохион дээр <...> тавьж байлаа гэхэд, тэрхүү алга дарам газар дээр <...> *үүрд мөнхөд зогсож байх ёстой*».

В дословном переводе: «если бы *судьба* поставила его на такую острую, высокую скалу, куда едва можно шагнуть двумя ногами... <...>, то на этом месте с ладонь... <...> должен будет стоять вечно».

Не останавливаясь отдельно на всех фрагментах трансформаций, обратим внимание на указанный выше стилистический произвол переводчика. Вместо нейтрального «если бы пришлось» в монгольском варианте стоит «если бы *судьба* поставила», то есть событийная невыделенность превращается в фатальную неизбежность, вследствие чего происходит принципиальная смена точки зрения, с которой изображается человеческое существование перед смертной казнью. Естественно, такое переводческое «вмешательство», с одной стороны, дает ошибочную направленность интерпретатору, с другой — искажает художественные — как содержательные, так и формальные — особенности оригинала. Но стоит обратить внимание на одну интересную деталь: в монгольском языке слово *заяа* (букв.: 'доля, судьба') [Цэвэл, 1966. С. 271] понимается как нечто, выпадающее на долю человека независимо от его воли, вроде «чему быть, того не миновать», то есть через него создается ситуация *неизбежности*, от которой *никуда* не уйти. Это значит, что интервенция переводчика открывает другое семантическое поле, которое, как ни странно, тождественно с семантическим полем мотива *вечности на аршине пространства*.

Подводя итоги, можем определить, что представления монголов о *вечности* (и, следовательно, о жизни и смерти) радикально отличаются от представлений русских. Сложная стилевая ткань романа в переводе местами нивелируется, авторские повторы, которые представляют собой своеобразную семантическую систему, заменяются синонимами, в текст иногда добавляются такие единицы, которых не было в оригинале. Тем не менее даже тогда, когда происходит концептуальный сдвиг между метафорой исходного текста и соответствующей ей единицей в переводе, нельзя говорить, что в переводе преобразуются се-

¹² Старая русская мера длины, равная 0,71 м [Ожегов, 1991. С. 36].

мантические слои оригинала. Как мы видели выше, в тексте перевода образуются новые, добавляющие смысл коннотации, но при этом данные в оригинале смысловые образы не искажаются, а наоборот — восстанавливаются на этимолого-семантическом уровне текста монгольского перевода.

Итак, анализ семантической структуры и способов семантизации мотива *вечность* в тексте «Преступления и наказания» показал, что благодаря индивидуальным авторским интенциям и специфике семантизации мотивов *вечность* становится своеобразным олицетворением главных атрибутов не только национально-культурных (*бог — бессмертие — бесконечность, смерть — жизнь*), но и идейных и поэтических слоев романа (*притесненность / угнетенность / безвыходность, двойственность: вера —*

неверие, добро — зло и т. д.). Основанное на этом анализе сопоставление романа с его монгольским вариантом, на первый взгляд, подчеркивает мнение исследователей, настаивающих на *невозможности* художественного перевода, так как в нем не всегда были восстановлены образы, созданные поэтическим аппаратом Достоевского. Нельзя не отметить, что выбранные переводчиком стратегии оказались эффективными: значения, потерянные в одном месте, были воспроизведены в другом (*аршин / алга дарам — некуда / заяа*), таким образом было создано семантическое родство с оригиналом. Следовательно, читателю монгольского перевода доступны смыслы романа, поэтому перевод Ц. Гомбосурэна можно считать адекватным.

Использованная литература

- Ашимбаева, 2005: *Ашимбаева Н.* Достоевский. Контекст творчества и времени. СПб.: Серебряный век, 2005.
Ashimbaeva N. Dostoevskij. Kontekst tvorčestva i vremeni. SPb.: Serebrjanyj vek, 2005.
Ashimbaeva N. Dostoevsky. The context of creativity and time. St. Petersburg: Serebrjanyj vek, 2005.
- Бахтин, 1972: *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972.
Bahtin M. M. Problemy poetiki Dostoevskogo. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1972.
Bakhtin M. M. Problems of Dostoevsky's Poetics. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1972.
- Борисова, 1979: *Борисова В. В.* Мифологические аспекты картины мира в романе Достоевского «Братья Карамазовы» // Индивидуальность писателя и литературно-общественный процесс. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1979. С. 38–49.
Borisova V. V. Mifologičeskie aspekty kartiny mira v romane Dostoevskogo «Brat'ja Karamazovy» // Individual'nost' pisatelja i literaturno-obščestvennyj process. Voronezh: VGU, 1979. S. 38–49.
Borisova V. V. Mythological aspects of the Picture of the world in Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov" // The writer's Individuality and the Literary and Social Process. Voronezh: VGU, 1979. P. 38–49.
- Буданова, 2007: *Буданова Б. В.* Онтология знаковости в деловом общении на английском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Москва, 2007. 133 с.
Budanova B. V. Ontologija znakovosti v delovom obščeenii na angliiskom iazyke: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Moskva, 2007. 133 s.
Budanova B. V. Ontology of Significance in Business Communication in English: Dissertation for the Degree of Candidate of Philology: 10.02.04. Moscow, 2007. 133 p.
- Бурлака, 2008: *Бурлака Д. К.* Проблема времени в контексте богословия культуры // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 1. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2008. С. 192–217.
Burlaka D. K. Problema vremeni v kontekste bogoslovija kul'tury // Vestnik russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii,
1. SPb.: Russkaja hristianskaja gumanitarnaja akademija, 2008. S. 192–217.
Burlaka D. K. The problem of time in the context of the theology of culture // Russian Christian Humanitarian Academy Bulletin, 1. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Academy, 2008. P. 192–217.
- Виноградов, 1959: *Виноградов В. В.* О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959.
Vinogradov V. V. O jazyke hudozhestvennoj literatury. M.: Goslitizdat, 1959.
Vinogradov V. V. About the language of fiction. M.: Goslitizdat, 1959.
- Вехмас-Лехто, 2008: *Вехмас-Лехто И.* Многогранное переводоведение // Slavica Helsingiensia, 35. Helsinki: University of Helsinki, 2008. С. 439–449.
Vehmas-Lehto I. Mnogogrannoe perevodovedenie // Slavica Helsingiensia, 35. Helsinki: University of Helsinki, 2008. S. 439–449.
Vehmas-Lehto I. Multi-faceted translation studies // Slavica Helsingiensia, 35. Helsinki: University of Helsinki, 2008. P. 439–449.
- Галкин, 1996: *Галкин А.* Пространство и время в произведениях Ф. М. Достоевского // Вопросы литературы. 1996. 1. С. 316–324.
Galkin A. Prostranstvo i vremja v proizvedenijah F. M. Dostoevskogo // Voprosy literatury. 1996. 1. S. 316–324.
Galkin A. Space and time in the works of F. M. Dostoevsky // Questions of Literature. 1996. 1. P. 316–324.
- Гальшева, 2008: *Гальшева М. П.* Вечность у Ф. М. Достоевского // Русская речь. 2008. 6. С. 26–33.
Galyševa M. P. Večnost' u F. M. Dostoevskogo // Russkaja rech'. 2008. 6. S. 26–33.
Galyševa M. P. Eternity of F. M. Dostoevsky // Russian speech. 2008. 6. P. 26–33.
- Гумбольдт, 1985: *Гумбольдт В., фон.* Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985.
Gumbol'dt V., fon. Jazyk i filosofija kul'tury. M.: Progress, 1985.

- Humboldt V., von. Language and philosophy of culture. M.: Progress, 1985.
- Достоевский, 1976: *Достоевский Ф. М.* Преступление и наказание // Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 6. Л.: Наука, 1976.
- Dostoevskij F. M.* Prestuplenie i nakazanie // Polnoe sobranie sochinenij: v 30 tomah. T. 6. L.: Nauka, 1976.
- Dostoevsky F. M.* Crime and punishment // Complete collection of works: in 30 volumes. Vol. 6. L.: Nauka, 1976.
- Достоевский, 2008: *Достоевский Ф. М.* Гэм зэм. Улаанбаатар: Нэпко, 2008.
- Dostoevskij F. M.* Gem zem. Ulaanbaatar: Nepko, 2008.
- Dostoevsky F. M.* Crime and punishment. Ulaanbaatar: Nepko, 2008.
- Катто, 1978: *Катто Ж.* Пространство и время в романах Достоевского // Достоевский: материалы и исследования. Т. 3. Л.: Наука, 1978. С. 41–54.
- Katto Zh.* Prostranstvo i vremja v romanah Dostoevskogo // Dostoevskij: materialy i issledovanija. T. 3. L.: Nauka, 1978. S. 41–54.
- Catteau J.* Space and Time in Dostoevsky's novels // Dostoevsky: materials and research. T. 3. L.: Nauka, 1978. P. 41–54.
- Левый, 1974: *Левый И.* Искусство перевода. М.: Прогресс, 1974.
- Levyj I.* Iskusstvo perevoda. M.: Progress, 1974.
- Levy I.* The Art of Translation. M.: Progress, 1974.
- Лихачев, 1981: *Лихачев Д. С.* Литература — реальность — литература. Л.: Советский Писатель, 1981.
- Lihachev D. S.* Literatura — real'nost' — literatura. L.: Sov. Pisatel', 1981.
- Likhachev D. S.* Literature — reality — literature. L.: Soviet Writer, 1981.
- Лотман, 1992: *Лотман Ю. М.* Избранные статьи: в 3 т. Т. 2. Таллинн: Александра, 1992.
- Lotman Ju. M.* Izbrannye stat'i: v 3 t. T. 2. Tallinn: Aleksandra, 1992.
- Lotman Yu. M.* Selected articles: in 3 vols. Vol. 2. Tallinn: Alexandra, 1992.
- Ожегов, 1991: *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1991.
- Ozhegov S. I.* Slovar' russkogo jazyka. M.: Russkij jazyk, 1991.
- Ozhegov S. I.* Russian Dictionary. M.: Russian language, 1991.
- Платон, 1879: *Платон.* Тимей. Сочинения Платона. Переведенная с греч. и объясненная профессором Карповым. Т. 6. М.: Синодальная типография, 1879.
- Platon.* Timej. Sochinenija Platona. Perevedennaja s grech. i objasnennaja professorom Karpovym. T. 6. M.: Sinodal'naja tipografija, 1879.
- Platon.* Timaeus. The Writings of Plato. Translated from the Greek and explained by Professor Karpov. Vol. 6. M.: Synodal Printing House, 1879.
- Подорога, 2006: *Подорога В.* Мимесис. Т. 1. М.: Культурная революция; Логос, 2006.
- Podoroga V.* Mimesis. T. 1. M.: Kul'turnaja revoljucija; Logos, 2006.
- Podoroga V.* Mimesis. T. 1. M.: Cultural Revolution; Logos, 2006.
- Постовалова, 2011: *Постовалова В. И.* Время и вечность в православном миросозерцании // Логический анализ языка: Лингвофутуризм: Взгляд языка в будущее. М.: Индрик, 2011. С. 94–109.
- Postovalova V. I.* Vremja i vechnost' v pravoslavnom mirosozercanii // Logicheskij analiz jazyka: Lingvofuturizm: Vzgljad jazyka v budushhee. M.: Indrik, 2011. S. 94–109.
- Postovalova V. I.* Time and eternity in the Orthodox Worldview // Logical analysis of the language: Lingvofuturizm: The view of language in the future. M.: Indrik, 2011. P. 94–109.
- Прунч, 2015: *Прунч Э.* Пути развития западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической. М.: Р. Валент, 2015.
- Prunch E.* Puti razvitija zapadnogo perevodovedenija. Ot jazykovoj asimmetrii k politicheskoj. M.: R. Valent, 2015.
- Prunch E.* Ways of development of Western Translation Studies. From linguistic asymmetry to political asymmetry. Moscow: R. Valent, 2015.
- Рецкер, 1974: *Рецкер Я. И.* Теория перевода и переводческая практика. М.: Наука, 1974.
- Recker Ja. I.* Teorija perevoda i perevodcheskaja praktika. M.: Nauka, 1974.
- Retsker Ya. I.* Theory of translation and translation practice. M.: Nauka, 1974.
- Салимова, Тимерханов, 2012: *Салимова Д., Тимерханов А.* Двужычие и перевод. Теория и опыт исследования. М.: Наука, 2012.
- Salimova D., Timerhanov A.* Dvujazychie i perevod. Teorija i opyt issledovanija. M.: Nauka, 2012.
- Salimova D., Timerkhanov A.* Bilingualism and translation. Theory and research experience. M.: Nauka, 2012.
- Сулейменов, 1991: *Сулейменов О.* Аз и Я. Алма-Ата, 1991.
- Sulejmenov O.* Az i Ja. Alma-Ata, 1991.
- Suleimenov O.* Az and Ya. Alma-Ata, 1991.
- Топоров, 1997: *Топоров В. Н.* О структуре романа Достоевского в связи с архаичными схемами мифологического мышления («Преступление и наказание») // Из работ московского семиотического круга. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 590–660.
- Toporov V. N.* O strukture romana Dostoevskogo v svjazi s arhaichnymi shemami mifologicheskogo myshlenija («Prestuplenie i nakazanie») // Iz работ moskovskogo semioticheskogo kruga. M.: Jazyki russkoj kul'tury, 1997. S. 590–660.
- Toporov V. N.* On the structure of Dostoevsky's Novel in connection with archaic schemes of mythological thinking ("Crime and Punishment") // From the works of the Moscow Semiotic Circle. M.: Languages of Russian Culture, 1997. P. 590–660.
- Тороп, 1995: *Тороп П.* Тотальный перевод. Тарту: Ülikooli Kirjastus, 1995.
- Torop P.* Total'nyj perevod. Tartu: Ülikooli Kirjastus, 1995.
- Torop P.* Total translation. Tartu: Ülikooli Kirjastus, 1995.

- Ушаков, 1935: *Ушаков Д. Н.* Толковый словарь русского языка. Т. 1. М.: Огиз, 1935.
- Ushakov D. N.* Tolkovjy slovar' russkogo jazyka. T. 1. M.: Ogiz, 1935.
- Ushakov D. N.* Explanatory dictionary of the Russian language. Vol. 1. M.: Ogiz, 1935.
- Фасмер, 1986: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М.: Прогресс, 1986.
- Fasmer M.* Etimologicheskij slovar' russkogo jazyka. T. 1. M.: Progress, 1986.
- Vasmer M.* Etymological dictionary of the Russian language. Vol. 1. M.: Progress, 1986.
- Федоров, 1953: *Федоров А. В.* Введение в теорию перевода. М.: Высшая школа, 1953.
- Fedorov A. V.* Vvedenie v teoriju perevoda. M.: Vysshaja shkola, 1953.
- Fedorov A. V.* Introduction to the theory of Translation. M.: Vysshaya shkola, 1953.
- Цейтлин, 1927: *Цейтлин А.* Время в романах Достоевского // Родной язык в школе. 1927. № 5.
- Tseitlin A.* Vremia v romanakh Dostoevskogo // Rodnoi iazyk v shkole. 1927. № 5.
- Tseitlin A.* Time in Dostoevsky's novels // Native language at school. 1927. No. 5.
- Цэвэл, 1966: Монгол хэлний товч тайлбар толь. Зохиосон Я. Цэвэл. Редакторласан: Х. Лувсанбалдан. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн хэрэг эрхлэх хороо, 1966. 911 х.
- Mongol khelnii tovch tailbar tol'. Zokhioson Ia. Tsevel. Redaktorlasan: Kh. Luvsanbaldan. Ulaanbaatar: Ulsyn khevleliin khereg erkhelekh khoroo, 1966. 911 kh.
- Concise Explanatory Dictionary of the Mongolian Language. Written by Ya. Tsevel. Edited by: H. Luvsanbaldan. Ulaanbaatar: State Press Committee, 1966. 911 p.
- Цивьян, 1997: *Цивьян Т. В.* О структуре времени и пространства в романе Достоевского «Подросток» // Из работ московского семиотического круга. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 661–706.
- Civ'jan T. V.* O strukture vremeni i prostranstva v romane Dostoevskogo «Podrostok» // Iz работ moskovskogo semioticheskogo kruga. M.: Jazyki russkoj kul'tury, 1997. S. 661–706.
- Tsivyan T. V.* On the structure of Time and Space in Dostoevsky's novel "The Adolescent" // From the Works of the Moscow Semiotic Circle. M.: Languages of Russian Culture, 1997. P. 661–706.
- Эко, 2006: *Эко У.* Сказать почти то же самое. Опыт о переводе. СПб.: Симпозиум, 2006.
- Eko U.* Skazat' pochti to zhe самое. Opyt o perevode. Spb.: Simpozium, 2006.
- Eco U.* To Say almost the same thing. Experiments on Translation. St. Petersburg: Symposium, 2006.
- Юнг, 1996: *Юнг К. Г.* Душа и миф. Шесть архетипов. Киев: Port Royal, 1996.
- Jung K. G.* Dusha i mif. Shest' arhetipov. Kiev: Port Royal, 1996.
- Jung K. G.* Soul and Myth. Six archetypes. Kiev: Port Royal, 1996.
- Albert, 2014: *Albert S.* Fordítás. Nyelv. Filozófia. Budapest: Áron kiadó, 2014.
- Bassnet, André, 1990: *Bassnet, S., André, L.* Translation, History and Culture. London; N. Y.: Pinter Publishers, 1990.
- Nida, 1964: *Nida E.* Toward a Science of Translating: with special reference to principles and procedures involved in Bible translating. Leiden: Brill, 1964.
- Péter, 1999: *Péter M.* "Pár tarka fejezet csupán..." Puskin "Jevgenij Anyegin"-je a magyar fordítások tükrében. Budapest, Nemzeti Tankönyvkiadó, 1999.

Enhzaya Vandan

The semantics of eternity in the novel "Crime and Punishment" and in its Mongolian translation

The article analyzes the poetics of *eternity* in the novel by F. M. Dostoevsky's "Crime and Punishment", as well as the ways of its reproduction in the Mongolian translation presented by Ts. Gombosuren in 2003. A great deal of attention is paid to identifying the semantic features of *eternity* in the original text and its transformations in the Mongolian version, as well as the specifics of translation strategies. The relevance of this work is associated, on the one hand, with the increased interest of researchers in the problem of intercultural communication and issues of linguistic and cultural interaction in literary translation, and on the other hand, with the fact that at present, the study of the literary relationship between Russia and Mongolia in general and translations of the Russian classical prose (including Dostoevsky's texts) in particular, does not receive the attention it deserves in scientific research.

Key words: poetics of Dostoevsky, "Crime and Punishment", semantics of *eternity*, literary translation, Mongolian translation, intercultural communication.

Enhzaya Vandan — Ph. D. (Philology), Senior lecturer, Department of Russian Language and Literature, Institute of Slavic and Baltic Philology, Eötvös Loránd University (ELTE, 1088, Múzeum krt. 4/D, Budapest, Hungary).

vandan.enhzaya@btk.elte.hu